

ДЕТЕКТИВЪ № 029

сочинитель г-н А. Арсаньев

ФРАНЦУЗСКИЙ СЕЗОН КАТЕНЬКИ АРСАНЬЕВОЙ

Издательский дом
Рипол Классик

Москва

Бабушкин сундук

Александр Арсаньев

**Французский сезон
Катеньки Арсаньевой**

«Научная книга»

Арсаньев А.

Французский сезон Катеньки Арсаньевой / А. Арсаньев —
«Научная книга», — (Бабушкин сундук)

Перед вами оригинальные детективы, в которых криминальные истории, дела, события XIX века искусно переплетаются с современностью, связывая прошлое и настоящее. «Продолжение путешествия» – это еще один роман г-на А.Арсаньева в проекте «Записки Катеньки Арсаньевой».

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	12
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	16
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	20
ГЛАВА ПЯТАЯ	24
ГЛАВА ШЕСТАЯ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Александр Арсаньев

Французский сезон Катеньки Арсаньевой

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я не торопился выставить на суд читателя этот роман по двум причинам: во-первых, мне хотелось соблюсти хронологию жизни моей замечательной родственницы. А во-вторых...

Во-вторых, происходящие в нем события показались мне настолько необычными, почти невероятными, что начинать с них я просто не осмелился.

Теперь же, когда читатель уже знаком с двумя ранними тетушкиными произведениями, мне не терпится познакомить его и с этим удивительным романом.

Для тех, кто не знаком ни с одних из опубликованных мною ранее книг и до сих пор слыхом не слыхивал ни о моей тетеньке, ни о ее удивительной жизни, – сообщу несколько фактов из ее биографии:

Екатерина Алексеевна Арсаньева родилась в 1830 году в Саратовской губернии в богатой, можно сказать, аристократической семье, войдя в приличествующий тому возраст, удачно вышла замуж за благородного и замечательного во всех отношениях человека. Ее семейная жизнь была счастливой, но, увы, недолгой.

Ее муж Александр Христофорович – главный следователь полицейского управления – погиб во цвете лет, став жертвой высокопоставленных и совершенно безнравственных людей, говоря сегодняшним языком – преступной группировки, в которую входили самые разные люди, от мелких и нечистых на руку чиновников до самого губернатора. Он попытался вывести эту компанию на чистую воду, в результате чего и пострадал.

Оставшись вдовой в неполные двадцать семь лет, молодая женщина предприняла неординарные, а по тем временам и вовсе исключительные шаги, собственными силами попытавшись отыскать виновников гибели горячо любимого супруга, в чем после бесконечно опасных и весьма занимательных приключений и преуспела.

С тех пор Катенька почувствовала вкус к этому роду деятельности, но как вы понимаете, в середине девятнадцатого века заниматься этим официально не имела ни малейшей возможности. Поэтому до конца жизни проводила расследования так сказать «на общественных началах», то есть исключительно «из любви к искусству», на свой страх и риск, не имея на то никаких полномочий.

И долгие годы эта ее деятельность оставалась секретом для всех, кроме ее ближайших друзей и родных. Хотя Екатерина Алексеевна всю жизнь вела дневник, на основе которого в конце жизни написала несколько десятков романов, но опубликовать их то ли не сумела, то ли не захотела.

По счастливому стечению обстоятельств рукописи ее произведений сохранились, более того – попали в мои руки в тот момент, когда я, разочаровавшись в любой другой деятельности, переехал на жительство в город моего детства Саратов, где вступил во владение старым деревянным домом, на чердаке которого в старинном кованом сундуке эти рукописи пролежали почти сто лет.

И теперь не успокоюсь, пока творческое наследие тетушки (я называю ее так для краткости, на самом деле она моя пра-пра-пра... но все таки тетушка, хотя в наше время подобную степень родства мало кто считает достаточным поводом для упоминания) не увидит свет.

Роман, страницы которого вам предстоит перелистать, написан много лет спустя после происходящих в нем событий. Не знаю точно, в каком году, но по некоторым приметам – уже в

начале двадцатого века, когда почтенную Екатерину Алексеевну никто не рискнул бы назвать Катенькой.

Но в 1858 году ей было всего двадцать восемь, а выглядела она едва ли на двадцать пять...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Саратов в 1858 году жил своей обычной наполовину провинциальной, наполовину столичной жизнью, поскольку с одной стороны – с легкой руки Грибоедова – оставался в сознании современников «глушью» и «деревней», а с другой стороны – с каждым годом все более напоминал «столицу Поволжья», название которой по праву заслужит уже через несколько лет.

В то знойное лето в городе обсуждались две основные темы – грядущее освобождение крестьян и открытие в городе университета. Большинство относилось к обоим этим слухам с недоверием, но вопреки ожиданиям скептиков крестьяне действительно были освобождены уже через три года, и университет был открыт, хотя и не так скоро, а лишь через пятьдесят один год. Но и это было чудом, поскольку, несмотря на все успехи просвещения, право называться университетскими городами до сих пор обрели у нас лишь несколько крупных центров империи.

Но ипподром открылся именно в том году. И все, кто на лето остался в Саратове, за несколько дней превратились в знатоков и любителей лошадей. А к концу лета дважды в неделю там уже собирался практически весь цвет города. Ипподром стал чем-то вроде клуба, где можно было повстречать знакомых, узнать последние новости и развлечься на свежем воздухе.

Моя жизнь в то лето не отличалась большим разнообразием, поскольку в Саратове я бывала лишь наездами, перебравшись в одно из своих владений, а именно – в поместье Лотухино, доставшееся мне после смерти моего незабвенного супруга. И если кто-то подумает, что я там бездельничала, то сильно ошибется. Напротив. За несколько месяцев я умудрилась не только привести в порядок довольно запущенное к тому времени хозяйство, но и отремонтировать обветшавший за полтора века существования дом, восстановить его в первоначальной красе, о чем давно мечтал мой покойный супруг, но так и не успел этого сделать по причине своей постоянной занятости.

Заново оштукатуренный, с ровным рядом толстых колонн по всему фасаду, он стал настоящим украшением округи, вернее прекрасным дополнением к ее и без того удивительным природным красотам, каковым и остается до сих пор и, надеюсь, останется и тогда, когда про меня уже никто не вспомнит на этой земле.

Впервые позолоченные мною луковки деревенской церковки, заставили ее пережить поистине второе рождение. Словно пряничный домик, она не могла налюбоваться своим отражением в вычищенном по моему приказу пруду.

Не забыла я и о крестьянах. Многие деревенские избы, заново покрытые тесом в то лето, приобрели неведомую им до этого основательность и надежность.

Привезенный мною из Саратова садовник восстановил и привел в порядок заброшенный сад, а часть примыкавшего к деревне леса превратил в настоящий английский парк. Поэтому имение в целом если и не могло пока соревноваться ухоженностью с родовыми поместьями туманного Альбиона, то сделало в этом направлении большой шаг.

Александр был бы счастлив, видя плоды моего труда, и это приносило мне дополнительное удовлетворение, помимо той естественной радости, которую само по себе приносит человеку лицезрение преобразованного им пространства.

Не за этим ли и рожден человек, чтобы облагородить и гармонизировать окружающую его действительность? Причем не таким варварским с моей точки зрения способом, как это принято во Франции, а именно по английскому образцу. Не превращая деревья в безобразно разнообразные геометрические фигуры, и не подменяя творения Господа их убого-рукотворной копией, а лишь причесывая их наиболее капризные проявления, словно тот древний скульптор, что отсекал от глыбы мрамора только лишнее, превращая ее в истинное произведение искусства.

Прочитав эти строки, я не поленился и поехал в деревню Лотухино, которая по-прежнему значится на карте Саратовской области, чтобы своими глазами увидеть этот рай на земле. И хоть и не без труда, но все же добрался туда к вечеру.

Ни колонн, ни самого господского дома, к сожалению, не сохранилось, на месте церковки стоит облупившийся, с заколоченными крест-накрест окнами то ли склад, то ли клуб, да и сведенная до минимума окружающая растительность в наше время вряд ли способна вызвать восторг у кого бы то ни было, несколько чахлых, больных деревьев на краю села – вот и все, что оставило время в утеху потомкам Катенькиных крестьян.

Так что никаких «природных красот» я там не обнаружил и должен был констатировать, что литературные творения моей родственницы, а следовательно и память о ней, надолго пережили восстановленные ею же капитальные строения.

Однако вернемся к делам давно минувших дней, преданьям старины глубокой, когда Лотухино еще было украшением земли российской, а Катенька, совершившая это маленькое чудо, вернулась в городской дом с чувством глубокого удовлетворения.

...Но не буду далее распространяться на эту тему. Меня и без того считают англоманкой, да и не об этом теперь речь.

События, которыми я с вами собираюсь поделиться, произошли уже в самом конце лета, когда я, наконец, вернулась в свой городской дом и мысленно готовилась к месяцам вынужденного безделья после столь плодотворно проведенного лета.

Городская жизнь для женщины моего круга и тогда и по сию пору чаще всего представляет собой бесконечный поиск развлечений в череде бессмысленных дней. Поскольку небольшое и хорошо налаженное городское хозяйство практически не требует к себе внимания, тем более, что у меня всегда была толковая прислуга. Прелести светской жизни меня мало привлекали, гостей по этой причине в моем доме почти не бывало. Да и сама я не злоупотребляла бессмысленными визитами с их непременно разговорами ни о чем и обменом сплетнями.

Поэтому единственной моей радостью оставались книги, фортепьяно и карандаш, если не считать ежедневных прогулок, в карете или верхом, без которых я не представляю себе жизни и по сей день.

Но не подумайте, что я жила совершенной затворницей. У меня было несколько хороших друзей того и другого пола. Многие знакомые моего покойного мужа остались со мной в добрых отношениях на долгие годы, не говоря уже о моей лучшей подруге Шурочке, которая появлялась у меня почти ежедневно.

Один из ее утренних визитов и послужил началом всей этой истории...

Она ворвалась в мою гостиную, как фурия, раскрасневшаяся и с огромной дыней в руках. Не потому, что была разгневана, а лишь потому, что ее необузданный темперамент искал выхода и не всегда находил его в тихом и небогатом событиями Саратове.

Поэтому любое мало-мальски забавное или необычное для Саратова явление могло вызвать в ней настоящий взрыв эмоций. А дыни она любила больше всего на свете, и в конце лета питалась исключительно этими сочными ароматными дарами природы.

В то утро ей удалось приобрести на базаре настоящее чудо. Размерами с конское ведро, с растрескавшейся мелкими квадратиками упругой кожицей, дыня тут же наполнила мою гостиную экзотическими бухарскими ароматами.

В другой день Шурочка тут же потребовала бы огромный кавказский кинжал, чтобы без промедления нарезать дыню огромными истекающими соком ломтями и погрузиться по уши в ее прохладную плоть. Но в этот раз она швырнула дыню на стол и так и не вспомнила о самом ее существовании до самого ухода.

– Катюша, ты не представляешь, что мне сейчас рассказали, – выкрикнула она, рухнув в свое любимое кресло без сил, но тут же вновь вскочила и подбежала к окну.

– Судя по тому, как ты выглядишь, – улыбнулась я, – это что-то экстраординарное. К нам едет ревизор?

Шурочка посмотрела на меня, как на сумасшедшую.

– Шути, дорогая, – покачала она головой. – Вряд ли тебе захочется веселиться, когда ты узнаешь, что произошло.

– Я не узнаю об этом до тех пор, пока не услышу. Поэтому если не хочешь моих неуместных шуток, то либо угости меня дыней, либо расскажи, что тебя так взволновало. И что ты там высматриваешь в окне, за тобой кто-нибудь гонится?

– Да нет, мне наверное показалось... – отмахнулась она своей розовой ручкой, словно он наваждения, и после секундного колебания отошла от окна.

– Когда кажется – креститься надо, – не удержалась я. – А, кстати, что тебе привиделось?

Шурочка покраснела, но, зная, что я от нее не отстану, призналась:

– Мне показалось, что мимо твоего дома прошел Дюма.

Я не выдержала и расхохоталась.

Шурочка, после того, как мы с ней прочитали «Графа Монте-Кристо», целый год считала эту книгу настольной, перечитала ее раза четыре, знала почти наизусть и без конца цитировала, восхищаясь языком и глубиной мысли автора.

– А я, между прочим, дорогая моя, предупреждала, что он тебя скоро не только во сне, но и наяву преследовать будет.

Дело в том, что Шурочке из газет стало известно, что Дюма все это лето путешествовал по России. И она не раз высказывала мне свою заветную мечту. Мечта была наивная и трогательная – чтобы, проплывая мимо Саратова, Дюма пожелал выйти на берег и хотя бы пройтись по улицам Саратова.

Саратов довольно живописен с Волги, и такое вполне могло произойти (да и произошло на самом деле, как выяснилось позднее, хотя и по несколько иной причине). Но я нещадно подтрунивала над Шурочкой по этому поводу. Она не обижалась, или обижалась самую чуточку, но скоро отходила и принималась развивать свою голубую мечту:

– Представляешь, идем мы с тобой куда-нибудь, а навстречу – он... – Она закатывала глаза и с выражением блаженства на лице смешно морщила носик. – Даже не знаю, что бы я в этом случае сделала.

– Разумеется, упала бы в обморок, а господин Дюма как истинный француз отнес бы тебя на своих могучих руках до дому, – добавляла я масла в огонь, и на носу у Шурочки от волнения выступали капельки пота.

– Если бы я была в этом уверена, я бы грохнулась на землю в любую погоду, – не желая замечать моей иронии, мечтательно произнесла она.

– А господин Дюма, тронутый таким простодушием, влюбился бы и предложил тебе руку и сердце. И уже следующий роман вышел бы с примерно таким посвящением: «Моей нежной супруге Александре с любовью».

– Но тогда мне пришлось бы уехать из Саратова, а как же я буду там без тебя? Поедешь со мной?

Чтобы прервать этот поток чересчур разыгравшейся фантазии, я меняла тактику:

– А ты не боишься, что я первая упаду в обморок и таким образом отобью у тебя твоего знаменитого француза? – голосом роковой женщины тогда спрашивала я, и Шурочка набрасывалась на меня с хохотом и кулаками.

Так мы развлекались иной раз, поэтому ее сегодняшнее заявление ничуть меня не удивило. Она бредила наяву, а при этом немудрено узнать черты предмета обожания в любом прохожем. Тем более, что фигурой знаменитого писателя на улицах Саратова никого не удивишь. Это он во Франции богатырь, а у нас вполне мог бы затеряться в толпе подгулявших купцов.

– Это настолько потрясло тебя, что ты забыла о дыне? – удивилась я. – Никогда в жизни в это не поверю. Тем более, что это не дыня, а настоящий шедевр.

Шурочка никак не отреагировала на мои слова, поэтому я поняла, что с ней действительно произошло что-то экстраординарное, сделала серьезное лицо и спросила:

– Так что ты узнала? Что-то неприятное?

– Не то слово, – покачала она головой, и на глаза ей навернулись слезы. – Ты помнишь Костю Лобанова?

Перед моим внутренним взором предстал худенький мальчик со светлыми мягкими волосами и огромными голубыми глазами.

– Конечно помню... – ответила я.

Я действительно помнила этого юношу, вернее того юношу, которым был господин Лобанов лет десять тому назад. Этот романтический молодой человек, будучи сиротой, приезжал тогда из Царскосельского лицея к своим родственникам в Саратов на каникулы и в течение целой зимы занимал сердце тогда еще совершенно юной моей подруги, то есть, можно сказать, был ее первой любовью. Во всяком случае, одной из первых. Уже к весне эта любовь вместе со снегом растаяла, но Шурочка всегда вспоминала о ней с особой нежностью.

– С ним что-нибудь случилось?

– Случилось, – всхлипнула Шурочка. – Его убили.

Эти слова были настолько неуместны по отношению к тому видению, что возникло в моей душе, что я вздрогнула.

– Убили? – переспросила я.

– Никто ничего толком пока не знает, – снова всхлипнула Шурочка. – Но его нашли в собственном доме без каких-либо признаков жизни. Я сама узнала об этом несколько минут назад, и до сих пор не могу поверить... Костя... Кто угодно, только не он...

Надо сказать, что и я была потрясена этим известием не меньше Шурочки. Костя, вернее Константин Сергеевич, в которого превратился этот бывший лицеист, до последнего времени вызывал у меня самые добрые чувства, и в тайне я мечтала видеть его Шурочкиным мужем. Он возмужал и окреп, но глаза его по-прежнему светились добротой, и непослушные кудри все так же торчали в разные стороны... Но моя ветреная подруга и слышать об этом не хотела, влюбляясь в отечественных и зарубежных писателей, композиторов и поэтов.

Родственники Константина, к которым он приезжал в юности, уже несколько лет, как покинули этот грешный мир. Славные бездетные старики, они прожили вместе всю жизнь и умерли едва ли не в один день. А все свое состояние оставили любимому внучатому племяннику, коим им доводился Константин. Так что помимо замечательных личных качеств он приобрел и более чем достаточное состояние, что делало его и вовсе неотразимым в глазах саратовских барышень. Но к их огромному сожалению – жениться он, судя по всему, не собирался, во всяком случае, до самого последнего времени.

– Я не понимаю, у кого рука поднялась на этого человека, – уже вовсю рыдала моя подруга.

– Но почему ты думаешь, что его убили? – спросила я, предположив, что ей известно больше, чем она успела мне сообщить.

– Мне подсказывает сердце... – разочаровала меня Шурочка.

– Как у каждого замечательного человека, наверняка у него были враги. Господи, ну почему подлецы, преступники, казнокрады живут себе припеваючи, а хорошие люди...

Она не нашла точных слов и уткнула свой покрасневший носик в уже мокрый от слез платочек. Успокоить ее мне было нечем. Моя няня по этому поводу говорила, что хорошие люди нужны Господу, и Он старается прибрать их к себе побыстрее. Подобные мысли часто звучат на похоронах, дабы примирить скорбящих с их невосполнимой утратой, и, похоже, в этом расхожем мнении отразились реальные космические законы. Смертность среди правед-

ников во все времена была значительно выше, чем среди их антиподов. Так повелось с первых дней творения. И Абель сошел в могилу, а Каиново потомство заполонило всю Землю. Похоронив мужа, я немало размышляла на эту тему, хотя, честно говоря, примириться с подобным положением вещей так и не смогла.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кое-как успокоив и проводив Шурочку, я решила узнать о смерти Константина все возможное. Можно было обратиться в полицию, благо у меня там было много знакомых, но я предпочла иной источник информации.

Мой старый приятель Петр Анатольевич, литератор и журналист, был настоящим кладом новостей. Ему было известно все, что происходит в Саратове, Российской империи и за ее пределами, круг его знакомств не имел четко очерченных границ и включал в себя самых разных людей – от высшего света до каторжников. Благодаря этому его осведомленность на неделю опережала полицию и на месяц – газеты. К его-то помощи я и решила прибегнуть.

С недавних пор у меня в доме появился «казачок». Так я называла шустрого парнишку, что привезла с собой из Лотухина. Его родителей и братьев пару лет назад унесла в могилу скарлатина, и он перебивался с кваса на хлеб, помогая по хозяйству соседям. Родительский домишко он по молодости лет и врожденной лени содержать хотя бы в относительном порядке был не в состоянии, пообносился, запаршивел и к моменту моего приезда в Лотухино представлял собой довольно жалкое зрелище.

Женить его на сильной и здоровой женщине, которая заменила бы ему мать и хозяйку и помогла встать на ноги, я не захотела. И не нашла ничего лучшего, как забрать его в город.

Афанасий, так звали моего казачка, словно ждал этого дня всю жизнь. После того, как я приказала его отмыть, постричь и придела на городской манер, он совершенно преобразился. Уже через несколько дней он начал поправляться, моментально освоился с городской жизнью, и – вопреки моим ожиданиям – оказался шустрым сообразительным парнишкой. Уже совершенно не напоминал сироту, более того – очень скоро заслужил расположение всей женской прислуги и скоро ходил по дому с видом молодого задорного петушка. Даже Степан, мой кучер, который поначалу встретил его неприветливо, неделю спустя уже допустил его на конюшню.

Афоня ходил с Аленой на базар, колот дрова и все это в охотку, куда только подевалась его былая лень? А в последнее время – проявил просто-таки талант скорохода, и я не могла на него нарадоваться. Меня он считал не просто благодетельницей, а кем-то наподобие феи, которая в один день переменила его жизнь удивительным, почти волшебным образом, и смотрел на меня преданными глазами.

Его то я и послала с письмом к Петру Анатольевичу, который не заставил себя долго ждать. Уже через полчаса я услышала стук копыт под своим окном. И увидела ловко соскочившего с облучка Афанасия, гордого тем, с какой стремительностью он выполнил поручение барыни.

– Так и знал, Екатерина Алексеевна, что это дело вас заинтересует, – едва войдя в гостиную, произнес Петр Анатольевич.

– Что вы имеете в виду?

– Попробуйте уверить меня, что послали за мной своего сокола, чтобы просто полюбоваться на мои действительно красивые глаза, а не затем, чтобы вытащить из меня всю подноготную о смерти Кости Лобанова.

– Ваша проницательность начинает меня пугать, – улыбнулась я. – А вам действительно есть что рассказать мне об этой странной смерти?

– О смерти всегда есть что рассказать, особенно о смерти молодого, совершенно здорового человека, который на днях должен был пойти под венец с одной из самых завидных невест нашего отмеченного Божьей благодатью городишки.

– Разве он собирался жениться? – не смогла я скрыть удивления, поскольку ничего подобного до той минуты не слышала. Хотя подобные события не проходят в городе незамеченными.

– Да-с, сударыня, – довольный произведенным эффектом, осклабился Петр. – Не желаете ли знать, кто была сия несчастная избранница?

– Будьте так любезны...

– Между прочим, если я не ошибаюсь, она приходится вам родней...

– Я вас умоляю, Петр Анатольевич, не испытывайте моего терпения, тем более, что я сегодня не склонна веселиться.

Моментально убрав с лица улыбку, Петр произнес уже совершенно другим, серьезным тоном:

– Мне и самому не по себе, Катенька. И то, что я ерничаю, так это скорее по привычке. Или, как это говорят, – смеюсь, чтобы не заплакать. Потому что с моим неотразимо мужественным лицом сие было бы не слишком уместно.

– Петр, вы неисправимы...

– Я серьезно. Мне нравился этот молодой человек. Хотя мы и не были с ним дружны.

– Так на ком же он собирался жениться? – начинала я терять терпение.

– Это довольно загадочная история. Константин жил довольно замкнуто, но даже для него подобная конспирация, я бы сказал, необычна. Другой бы в колокола звонил, ведь его невестой, если я не ошибаюсь...

– Вы не уверены?

– Почти... – с досадой произнес Петр. – Почти уверен, хотя полной уверенности у меня и нет.

– Итак...

– Судя по всему, он должен был пойти под венец с Вербицкой...

– С Ириной?

– Ну, не с Машей же, та еще в куклы играет.

– Но Ирине, насколько мне известно, тоже... едва ли не пятнадцать?

– Семнадцатый, – поправил меня Петр Анатольевич. Но такие невесты у нас не залеживаются.

Ирочка Вербицкая была действительно почти ребенком, очаровательным и шаловливым, я встречала ее на утренниках у знакомых и всегда любовалась ее точеной фигуркой и правильными чертами еще совершенно детского личика. Но я не видела ее года два, за это время она наверняка повзрослела. Ее семья считалась одной из самых состоятельных в Саратове, кроме того – у ее отца были потрясающие связи в Петербурге, а по слухам – он даже пользовался милостью императора. Впрочем последняя информация была не слишком достоверна.

– Как время-то бежит... – вздохнула я. – Стало быть, Ирочка повзрослела...

– И не просто повзрослела, а превратилась в настоящего лебедя, – с видом знатока закатил глаза Петр, – впрочем, гадким утенком, насколько я понимаю в домашней птице, она никогда и не была. А как она танцует! Если бы вы, Катенька не избегали светских развлечений, то вам бы не пришлось прибегать к моим услугам. Именно на балу я и узнал о готовящейся помолвке.

– Насколько я поняла, официально о ней объявлено не было?

– Да. Но у дряхлеющих светских львиц обостряется нюх на подобные вещи.

– Константин никогда не производил на меня впечатление скрытного человека, – размышляла я вслух. – Во всяком случае – в юности.

– Я же говорю, что тут какая-то загадка...

– И мнится мне, – закинула я удочку наудачу, – вам удалось ее разгадать?

– Увы, не удалось. Хотя честно признаюсь, что пытался кое-что пронюхать по этому поводу.

– И у вас нет никаких предположений?

– На сегодняшний день – ни одной.

– Это на вас не похоже. А на месте... преступления вы уже побывали?

– К сожалению, – вздохнул Петр Анатольевич, – меня туда не пустили. У нас, матушка, не Европа, и о свободе слова мы знаем лишь понаслышке. Так что корреспонденты у нас вынуждены добывать информацию окольными путями.

– В таком случае поделитесь своей «окольной» информацией.

Отчего он умер?

– Спросите о чем-нибудь полегче, – снова вздохнул он. – Полицейские эскулапы только разводят руками.

– Что вы хотите этим сказать?

– Только то, что они не смогли обнаружить на теле никаких признаков насильственной смерти.

– То есть они не считают это убийством?

– Я же говорю – они разводят руками. То есть вообще не понимают, почему он скончался. Судя по их словам, он умер за столом в своем кабинете. Я мечтаю умереть подобным образом...

– Что за мрачные мысли?

– Почему – мрачные? Все мы смертные, и если это произойдет лет эдак через... шестьдесят... – задумался он, после чего поправился, – нет, лучше через семьдесят.

Я не смогла сдержать улыбки. Петр обладал редким качеством: он никогда не терял присутствия духа, даже в самых печальных обстоятельствах. Этим качеством обладают мудрецы и дураки. Не знаю, как с мудростью, но дураком Петра Анатольевича не считали даже его завистники.

Петр явно чего-то не договаривал, и я не могла понять – почему. Мы с ним были старыми друзьями, и я привыкла к его откровенности.

– Но когда наступила смерть, вам хотя бы известно?

Петр уныло покачал головой из стороны в сторону:

– Сегодня утром, или вчера вечером...

– Еще немного, Петр Анатольевич, – сказала ему я, – и я в вас разочаруюсь. Или вы не хотите сказать мне всей правды, или...

– Как перед Богом, Катенька, но Всеволод Иванович, – он развел руками, – никого и близко к этому делу не подпускает.

– Всеволод Иванович – вы сказали? – обрадовалась я. – Так это ему поручили это дело?

Всеволод Иванович при жизни моего мужа был одним из его подчиненных. Он бывал у нас дома, и у меня были все основания считать его своим другом. Во всяком случае, я надеялась на это.

– А вы разве не слышали, – удивился Петр, – он теперь исполняет обязанности главного следователя.

– Вы же знаете, что я все лето провела в деревне...

– В полном соответствии с поговоркой о новой метле этот держиморда...

– Не желаю слышать гадостей про этого человека, – перебила я Петра Анатольевича. – Всеволод Иванович – чудесный человек, и я очень рада, что именно он получил эту должность. Александр был о нем очень хорошего мнения...

– Бог с вами, Катенька, у меня и в мыслях не было обижать этого действительно симпатичного человека... Тем более по сравнению с Алсуфьевым...

– Тут и сравнения быть не может.

Петр упомянул это имя не случайно. Господин Алсуфьев до недавнего времени занимал должность главного следователя полицейского управления, и не далее, чем год назад пытался обвинить меня в убийстве. И нам с Петром Анатольевичем в связи с этим некоторое время приходилось скрываться от полиции. Но это совершенно другая история. Алсуфьева уже больше года не было в живых, хотя еще долго он являлся мне в страшных снах. И останься он на этой

должности, у меня бы не было никакой возможности что-то узнать. Другое дело – Всеволод Иванович...

- Не откажетесь ли составить мне компанию? – спросила я Петра Анатольевича.
- Далеко ли собрались?
- Может быть, со мной Всеволод Иванович будет откровеннее?
- Сомневаюсь, хотя... – Петр Анатольевич пожал плечами, – чем черт не шутит?

Я распорядилась запрягать лошадей и, оставив Петра Анатольевича наедине с чашкой кофе и бутылкой коньяку, вышла из гостиной, чтобы переодеться и собраться с мыслями перед предстоящей мне встречей.

Особняк, ставший местом гибели Кости Лобанова, находился на окраине города, но Саратов в те годы был еще не так велик. И не прошло и получаса, как мой кучер Степан остановил лошадей неподалеку от этого большого красивого дома, под огромным раскидистым деревом на краю обрыва. С этого места открывался чудесный вид на Волгу и близлежащий монастырь, а растущие вдоль обрыва деревья являли собой остатки некогда дремучего леса, покрывавшего в старину все окрестные горы.

Когда мы выезжали из дома, ярко светило солнце, и ничто не предвещало перемены погоды. Но за эти полчаса все небо покрылось темно-свинцовыми тучами, и в воздухе явно запахло грозой. Ветер гнул вершины деревьев, словно сама природа сопротивлялась нашим намерениям или предупреждала о грозящей нам неведомой опасности.

Петр Анатольевич собрался было покинуть карету вслед за мной, но яростный порыв ветра захлопнул дверцу кареты, лишь только я ступила на землю. Мы ни словом не обмолвились об этих странных предзнаменованиях, но я заметила, что Петр Анатольевич побледнел.

Ветер, разыгравшись не на шутку, оборвал с ближайшего дерева половину листвы и, словно забавляясь, швырнул ее мне в лицо, отдельные всполохи уже тут и там сверкали на низком небе, а где-то за горизонтом уже погромыхивал гром. Перекрикивая шум ветра, я попросила Петра Анатольевича остаться в экипаже. И не потому, что была суеверной, или же не хотела искушать судьбу – просто его присутствие могло сделать Всеволода Ивановича менее откровенным.

- Лучше я сама вам потом все расскажу, – махнула я ему рукой.

Петр выразил свое согласие кивком головы и с тревогой посмотрел на небо.

Первые тяжелые капли дождя застучали по уличной пыли, и я поспешила к входной двери.

Когда я позвонила в дверь, лавина воды обрушились на землю у меня за спиной и, если бы не красивый металлический навес над крыльцом – через секунду на мне не осталось бы ни одной сухой нитки. Оглянувшись, я не смогла разглядеть ни кареты, ни даже деревьев, под которыми ее оставила, хотя до них от дома было всего несколько десятков метров. Это было похоже на начало всемирного потопа.

- Сказано же, не велено никого пускать, – донесся до меня раздраженный мужской голос.

– Откройте, – перекрикивая шум дождя, крикнула я и забарабанила в двери, что было сил.

Через некоторое время невидимый привратник снизошел к моим молитвам и приоткрыв дверь, высунул свой нос из теплого полумрака прихожей.

- Екатерина Алексеевна, – произнес он изумленно. – А я-то думал, это опять...

Это был один из младших полицейских чинов, честно говоря, я его совершенно не помнила, но он на мое счастье признал во мне вдову своего бывшего начальника и, засуетившись, втащил в дом.

Выглянув за дверь, он только перекрестился и, преодолевая сопротивление разыгравшихся стихий, затворил за мной дверь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Поглядев на себя в зеркало, я не сразу поняла, что случилось с моими волосами – они стояли дыбом, как у ведьмы. Когда я попыталась их пригладить и привести в божеский вид, они затрепали от моего прикосновения, непослушные и перенасыщенные электричеством.

– Господи, на кого я похожа, – улыбнулась я своему спасителю, пытаясь вспомнить обстоятельства нашего знакомства.

– Вот уж не ожидал с вами свидеться, Екатерина Алексеевна, да еще в таком месте... Вы меня, должно быть, и не помните?

Пожав плечами, я покачала головой, подтверждая его слова.

– Вы с Александром Христофорычем ко мне в лазарет приходили. Когда меня подранили, вспомнили?

– Ну, конечно же, – искренне обрадовалась я, – то-то я вижу – знакомое лицо.

Теперь я вспомнила этого человека. Несколько лет назад он – совсем еще молоденький и необстрелянный – в одиночку пытался умирить толпу перепившихся грузчиков в порту и получил бутылкой по голове. Александр отнесся к его поступку с большой симпатией и не отказал мне в просьбе познакомить с юным героем.

Тогда-то мы и навестили его в больнице. Он произвел на меня весьма приятное впечатление, и я несколько раз посылала ему корзинки с провизией.

С тех пор он возмужал и окреп, но по большому счету – совсем не изменился. А когда улыбнулся, – казалось, снова превратился в того мальчишку, каким оставался в моей памяти все эти годы.

– Да-да, – улыбнулась я своему воспоминанию, – как голова, не беспокоит?

– Как новая, – расплылся он уже в широчайшей улыбке, обнажившей широкие прокуренные зубы, – а вы к Всеволоду Ивановичу? Они должны были вернуться с минуты на минуту, да боюсь дождик их задержал.

«Дождик» между тем превратился в настоящий ураган. От мощных шквалов сотрясало стены, а из-под под двери к моим ногам уже пробежала по полу тоненькая струйка.

– А далеко ли он отправился? – спросила я своего старого знакомого.

– Да... перекусить, – смутился он. – Они с доктором тут почитай с утра, так что проголодались, а меня вот оставили за сторожа...

– Я слышала – тут произошло что-то ужасное? – спросила я, стараясь выглядеть максимально непринужденно.

– Да пока непонятно... – пожал плечами моментально посерьезневший молодой человек.

– Неужто убийство? – сделала я большие глаза.

– Не исключено, – покашлиал он в кулак, напомнив мне в эту минуту размышлявшего о высоких материях крестьянина, и неожиданно предложил:

– Если интересуетесь – могу показать...

– А что – кроме тебя в доме никого нет?

– Был еще слуга господина Лобанова, смешной такой старичок, но после допроса ему стало нехорошо, и он ушел к соседям.

– Так это он сообщил о случившемся в полицию?

– Извините, я этого не знаю, но кому же еще? Должно быть он...

Мне положительно повезло с этим молодым человеком.

– А Всеволод Иванович не будет ругаться? – осторожно спросила я, задержавшись на первой ступеньке лестницы.

– А мы ему ничего не скажем, – подмигнул мне мой знакомый, и в этот момент я вспомнила его имя.

– Тебя ведь, кажется, Дмитрием зовут?

– Так точно-с, Екатерина Алексеевна, – обрадовался он.

– Думаю, Всеволод Иванович вряд ли решится вернуться до окончания этого светопрествления, – кивнула я в сторону входной двери, и словно в подтверждение моих слов, дождь забарабанил в дверь с утроенной силой, – так что мы ничем не рискуем. А если и вернется, то, думаю, простит меня по старой дружбе.

Каюсь, я немного преувеличила степень своего знакомства с новым главным следователем, но грех было не воспользоваться такой удобной ситуацией.

Если у Дмитрия и оставались какие-то сомнения, то мои слова окончательно усыпили его бдительность. И он тут же повел меня на второй этаж, где судя по всему и произошло убийство.

Первое, что бросилось мне в глаза, когда мы оказались в кабинете – это огромное количество икон по стенам.

«Настоящий иконостас, – с удивлением подумала я. – Не знала, что Костя был до такой степени религиозен. Просто монашеская келья, а не кабинет».

По простоте душевной Дмитрий не только все мне показал, но и пересказал все версии, что прозвучали в его присутствии. А так как все это время он неотлучно находился при Всеволоде Ивановиче и обладал прекрасной памятью, то передал мне все их с доктором разговоры почти дословно, и к концу его рассказа у меня создалось впечатление, что я сама присутствовала при этом.

Таким образом мне стало известно предварительное заключение профессионалов, а они склонны были считать, что в доме произошло самое настоящее убийство, несмотря на то, что способ умерщвления вызывал у них серьезные споры. Всеволод Иванович подозревал отравление, доктор с ним упорно не соглашался, но своей версии выдвигать не спешил.

Смерть наступила вчера вечером или ночью, но никак не позже полуночи. Тело Константина до сих пор было в доме и после некоторого сомнения Дмитрий показал мне и его. Накрытое белой простыней, оно лежало на обеденном столе гостиной и выглядело, как живое.

– Что-то мне нехорошо, Дмитрий, – симулировала я предобморочное состояние и присела подальше от покойного на мягкий диван.

– Это бывает с непривычки, – усмехнулся Дмитрий, – на что я привычный человек, и то...

– Будь добр, принеси мне водички, – совершенно обнаглев, попросила я его.

И он оставил меня наедине с телом минут на десять. Не меньше. Так что я не просто осмотрела, а досконально изучила каждый волосок на одежде покойного. И убедилась, что если он и убит, то совершенно непонятным способом. Выражение спокойствия на его лице лишь усугубляло это впечатление. Ни следов борьбы, ни синяков, ни кровоподтеков. Словно лег отдохнуть и... отдал Богу душу. Но такое вряд ли могло произойти, учитывая возраст и внешний вид этого молодого и абсолютно здорового на вид человека.

В комнате тоже был абсолютный порядок. А если что и лежало не на своем месте, так скорее всего – это уже явилось результатом полицейского обыска.

В какой-то момент мне показалось, что покойник тяжело вздохнул, и от неожиданности я вздрогнула всем телом и едва на самом деле не лишилась чувств.

«Что с тобой, Катенька? – мысленно спросила я себя. – Нервишки шалят? Он безусловно мертв, и смерть его засвидетельствована несколькими свидетелями...»

Но чтобы убедить себя в этом, мне пришлось приложить ухо к его груди и в течение нескольких мгновений прислушиваться к каждому шороху. Меня настолько поглотило это занятие, что я едва не проворонила возвращение Дмитрия и отскочила от стола, едва слышав его шаги за своей спиной.

– Вот, пожалуйста, – протянул он мне высокий чистый стакан с водой, зайдя в комнату и обнаружив меня на том же месте, то есть сидящей на диване с испуганным лицом.

Я сделала несколько глотков и поспешила на выход. Теперь мне уже не хотелось встречаться с Всеволодом Ивановичем, тем более, что в этом случае мне пришлось бы объяснять ему причину своего визита. А мне это было ни к чему.

– Знаешь, – сказала я Дмитрию, когда мы спустились с ним на первый этаж, – пожалуй, не надо говорить Всеволоду Ивановичу о том, что я была тут...

Цель моя была достигнута. Я узнала и увидела все, включая и такие подробности, на которые не могла и надеяться, если бы застала в доме Всеволода Ивановича. Единственное, в чем у него было передо мной преимущество, это в том, что он в спокойной обстановке имел возможность произвести тщательный досмотр помещения, иначе говоря – обыск. И по свидетельству Дмитрия – занимался этим большую часть сегодняшнего дня. Правда, без особых успехов.

Так или иначе, я решила поскорее покинуть этот дом.

– Он обидится, что я его не дождалась, а мне уже пора домой. Видимо, такие зрелища все-таки не для женских глаз... Пусть это останется нашей с тобой маленькой тайной, – снова подмигнула я Дмитрию, и он в ответ прищурился с хитрым видом.

«Господи, – подумала я, – как ты был мальчишкой, так и остался». И совсем было собралась выйти под дождь, но в этот момент меня посетила еще одна, как мне показалось в тот момент, очень удачная мысль.

– Чем бы мне накрыться? – жалостно произнесла я и посмотрела на Дмитрия несчастными глазами. – Зонт, к сожалению, я оставила в карете...

И он тут же побежал выполнять мою просьбу. И отсутствовал минут пять, на что я и надеялась, хотя уже через несколько мгновений то дело, ради которого все это затеяла, было сделано.

Я немного отодвинула засов черного хода. И теперь при необходимости могла вернуться в этот дом в любое время. Достаточно было слегка потрясти тяжелую дверь, и она бы открылась, но со стороны это было совершенно не заметно.

Когда Дмитрий выскочил из коридора с большой темной шалью в руках, я уже стояла со скучающим выходом у порога как ни в чем ни бывало.

– Зонта не нашел, может быть, это сгодится? – протянул он мне тяжелую шаль.

– Мне бы только до кареты добежать, – успокоила я его, – а у кого вы ее достали?

– Да на кухне лежала, может слуги... – замялся Дмитрий.

– Ну, это вряд ли, – рассмеялась я. – Постараюсь при случае побыстрее вернуть ее хозяину, кем бы он ни был. А то еще подаст на меня в суд за воровство...

Дмитрий добродушно заржал, а я, накинув на голову и плечи старую, но еще плотную материю, вышла на улицу.

Несмотря на это, с меня лило в три ручья, когда я, наконец, вернулась в карету.

– Ну, как? – спросил меня Петр, едва я пришла в себя после холодного душа. – Я уже начал волноваться.

– И, чтобы успокоиться, приняли немало успокоительного, – погрозила я ему пальцем, почувствовав устойчивый запах коньяку.

– Так это я еще у вас... с кофе, – немного смутился Петр.

– Я вас ни в чем не упрекаю, – великодушно произнесла я, потеплее закуталась в мокрую шаль и приказала Степану возвращаться.

За время моего отсутствия колеса на четверть погрузились в мокрую землю, и лошадям пришлось поднатужиться, чтобы стронуть карету с места.

По дороге я успела сообщить Петру все, что мне удалось узнать за этот час. Он внимательно слушал меня и перебил всего пару раз, чтобы задать тот или иной вопрос.

Когда мы подъехали к моему дому, дождь почти прекратился, причем так же неожиданно, как и начался.

– Как же это я забыла? – сокрушалась я, вылезая из кареты.

– О чем? – спросил не пропускавший ни единого моего слова Петр Анатольевич.

– Дмитрий не хотел меня пускать, приняв за кого-то другого, – объяснила я ему. – И у меня создалось впечатление, что этот кто-то очень хотел туда попасть. Кто и зачем? Вот что меня интересует. Хоть поворачивай назад оглобли, ведь собиралась же спросить...

– Это будет выглядеть странно. Даже для такого лопуха, как ваш Дмитрий, – улыбнулся Петр.

– Более, чем странно, – согласилась я. – Придется узнавать все самой. Хорошо, что на этот случай я оставила себе лазейку.

– О чем это вы, Катенька? – подозрительно прищурился Петр Анатольевич. – Интуиция подсказывает мне, что кое-что вы мне не рассказали. И это кое-что – если не ошибаюсь – едва ли не самое главное...

– Не знаю, – задумалась я, – может быть, вы и правы...

– Так что же это?

– Какие у вас планы на сегодняшний вечер, вернее, на сегодняшнюю ночь?

– Вы меня пугаете, – сделал страшные глаза Петр Анатольевич. – Вы хотите назначить мне свидание?

– Да, причем в полночь и разумеется на кладбище... – пошутила я. – Да нет, Петр Анатольевич, все гораздо проще, просто я хочу вернуть покойному его шаль... или кому она там принадлежит?

– Вы собираетесь проникнуть в дом? Ночью? Каким же образом?

– У меня такое впечатление, Петр Анатольевич, что вас сегодня подменили, с каких это пор вас стали волновать такие мелочи? Благоразумие никогда не было вашим коньком – уж не начинаете ли вы стареть?

– Ни в коем случае, моя старость, как у Кощея бессмертного – на кончике иглы, а игла та в яйце...

– Вы собираетесь рассказывать мне сказки?

– Нет. Но кое-что рассказать, видимо, придется.

– Да? И что же это такое?

– Похоже, я могу вам сказать, кто кроме вас сегодня пытался попасть в гости к покойному...

– Если вы с помощью этой наглой лжи надеетесь выманить у меня еще бутылку коньку, то у вас этот номер не пройдет.

– А если это не ложь?..

– Тогда... разрешите пригласить вас на чашечку кофе.

Разговор мы продолжили за столом. И коньяком мне все-таки пришлось пожертвовать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

– Там происходило что-то странное, – загадочным голосом начал Петр Анатольевич, когда мы перекусили, и наступил черед кофе и разговоров.

– Нельзя ли поконкретнее? – попросила я, зная манеру Петра Анатольевича начинать издалека. Чем значительнее для собеседника была информация, тем дороже он всегда стремился ее продать.

– Можно, – неожиданно легко согласился он. Видимо, рюмка старого коньяку, которую он выпил за минуту до этого, сделала свое дело, а может быть, просто решил ради разнообразия изменить любимой привычке.

– Не успел я проводить вас глазами и устроиться поудобнее в карете, как мое внимание привлекло какое-то движение перед домом. Предположив, что это вы по какой-то причине отказались от своих намерений и возвращаетесь в карету, я едва не выскочил под дождь, но в этот момент понял свою ошибку.

– Это была не я?

– Это были не вы. И даже не человек...

– О, Господи, корова что ли? – с подозрением спросила я.

От Петра Анатольевича можно иной раз ожидать чего угодно. Даже подобной шутки. С него станется.

– Я не совсем правильно выразился. Но те фигуры, что я увидел возле дома, были слишком маленькими для взрослого человека.

– Так это были дети? – предположила я.

– Я тоже так подумал сначала, тем более, что и вели они себя соответственно. Мне сначала показалось, что они играют в горелки, но, приглядевшись, я понял, что снова ошибся. Это были карлики.

От неожиданности у меня мороз пошел по коже.

– Что вы такое говорите, – нахмурилась я, – какие еще карлики?

– Во всяком случае – ростом они мне едва ли выше пояса, – на полном серьезе продолжил Петр.

– Бред какой-то...

– Подсаживая друг друга, они пытались заглянуть в окно, или даже влезть в него. Это действительно было похоже на страшный сон, и я до сих пор не могу придумать этому объяснения.

– Вы думаете, это они пытались проникнуть в дом передо мной?

– Не знаю... – неуверенно произнес Петр Анатольевич. – Но самое странное, что услышав ржанье ваших лошадей, они тут же перепугались и убежали.

– Ничего не понимаю, – честно призналась я.

Мой приятель понимал не больше моего, поэтому разговор у нас получился довольно странный. Походив вокруг да около этой темы еще с полчаса, мы расстались с ним, чтобы встретиться поздно вечером.

Я твердо решила побывать в доме Лобанова сегодня ночью, и никакие карлики не могли заставить меня передумать.

Тело Константина, судя по словам Дмитрия, к тому времени уже должно было перекочевать в морг, и кроме полусумасшедшего старика-слуги в доме никого уже не могло быть. Так что при определенной осторожности я спокойно могла произвести собственный досмотр в кабинете покойного. А меня не оставляла уверенность, что я смогу обнаружить там что-то такое, что прольет свет на причину его неожиданной гибели.

Проводив своего гостя, я собиралась прилечь на часок-другой, чтобы ночью быть в хорошей форме, но в это время услышала Шурочкин голос.

Она, как выяснилось через несколько минут, тоже проводила собственное «расследование», если предпринятые ею шаги можно назвать этим серьезным словом.

– Катенька, дружок, я за тобой, – еле переведя дыхание, выпалила она, войдя ко мне в комнату.

Она была уже во всем черном, и мне это сразу не понравилось. Хотя я понимаю, что такое первая любовь, и постаралась не показать виду, что мне это не по вкусу.

– Ты отдыхаешь – извини, но без твоей помощи мне не обойтись, – еле слышно проговорила она и присела на краешек моей кровати.

– Еще что-нибудь стряслось? – настороженно спросила я. Честно говоря, после всей этой истории с карликами у меня на душе остался неприятный осадок. И реальность приобрела какие-то искаженные и даже уродливые черты.

– Нет, – поспешила успокоить меня Шурочка, – больше ничего не случилось. Но... даже не знаю, как тебе сказать... Ты будешь смеяться.

– Смеяться я сегодня точно не буду, – заверила я ее, – так что рассказывай смело.

– Ты не очень веришь в подобные вещи, но я тебя умоляю. Ты же знаешь, чем для меня был Костя...

Я не стала с ней спорить по поводу последнего заявления, а только еще раз спросила:

– Так чего же ты от меня хочешь?

Шурочка собралась с духом и произнесла решительно и крайне напористо, заранее считывая на продолжительную борьбу:

– Тут недалеко живет одна женщина...

– Гадалка что ли? – предположила я и оказалась недалеко от истины.

– Не гадалка, к ней половина города за советом ходит... Она... ясновидящая.

– Шурочка, ты с ума сошла.

У нее в ответ на эти слова слезы навернулись на глаза, и она прошептала голосом несчастного ребенка:

– Она может нам сказать, почему умер Костя...

Спорить с ней в таком состоянии не имело смысла, и я со вздохом стала готовиться в дорогу.

Не то, чтобы я совсем не верила в подобные вещи, но за свою короткую жизнь я успела повидать слишком много шарлатанов. Тем более, что к этой «ворожее» по словам Шурочки ходило половина Саратова. Время от времени у нас в городе появлялись подобные субъекты, и на какое-то время превращались в объект массового паломничества.

Особенно мне запомнился один юродивый, который называл себя странным именем Алексей-С-Гор-Вода и круглый год ходил босиком. Он произносил в моменты «прозрений» нечто нечленораздельное, и его почитатели тщетно пытались проникнуть потом в смысл этой абракадабры. В основном это был абсолютно бессмысленный набор слов и звуков, но количество его приверженцев росло с каждым днем. Не знаю, чем бы это закончилось, но в один прекрасный день он украл у очередного своего прихожанина бумажник и – недолго думая – отнес в ближайший кабак. На этом его карьера закончилась, и бывшие почитатели постарались вычеркнуть из памяти свои к нему визиты, во всяком случае, прилюдно о них не поминали.

Но эта история, как и многие ей подобные, ничему не научила моих доверчивых земляков. Уже через полгода в городе появилась «Блаженная Матрена», и мало-помалу к ней потянулся народ...

Так что пошла я к этой ведьме только из уважения к переживаниям своей подруги. И не ожидала от этого визита ничего хорошего. Более того, я не воспользовалась своим экипажем,

а послала за извозчиком. Мои лошади слишком известны в городе, чтобы появляться на них в сомнительных местах. И одеться постаралась как можно незаметнее...

* * *

– Заходите, чего стали? – произнес неожиданно певучий голос из полумрака низкой прихожей. Огня в доме не зажигали, хотя на улице уже смеркалось.

– Заходи, – тихо, как в церкви, шепнула мне Шурочка, и подтолкнула меня вперед.

Дом, в котором снимала квартиру ворожея, находился недалеко от центра города, но и до сих пор в Саратове остались странные места, которые внешним видом и отдаленно не напоминают городских улиц. В двух шагах от них светят фонари и ездят автомобили, а тут и по сей день пахнет навозом, по улице ходят коровы и овцы, петухи заливаются во все горло, и невозможно поверить, что на дворе конец девятнадцатого столетия. А в те времена и подавно.

И вновь я не удержусь и вставлю пару слов, хотя на этот раз и стараюсь не нарушать авторского повествования. Но на дворе уже даже не двадцатый, а двадцать первый век, а ваш покорный слуга, будучи недавно проездом в столице и гуляя по малознакомому району, нос к носу столкнулся с коровой. Она как ни в чем ни бывало паслась посреди улицы, привязанная старой обгаженной веревкой к вбитому в землю колышку. Вот такое у нас государство – традиции в нем неискоренимы... Прошу прощения за может быть неуместное замечание.

– Темно у вас, – пожаловалась я, едва не споткнувшись о какое-то ведро на полу.

– Да ладно тебе, – одернула меня Шурочка, и в душе у меня стала нарастать волна раздражения, которую я так старательно запрятала в глубину своего сознания. Но что поделаешь, если я все больше чувствовала себя участницей какой-то нелепой комедии. Или фарса.

– Можно огонь зажечь? – спросила я с откровенным раздражением.

– Отчего же нельзя, если просят, – ласково ответил тот же голос, и в ту же секунду в комнату вошла маленькая русоволосая девочка со свечой в руках. Она поставила ее на стол, и теперь я смогла рассмотреть внутреннее убранство и хозяйку этого помещения.

«Женщина как женщина, – подумала я, рассматривая ее уложенные на затылке волосы и довольно аккуратное платье, – и не подумаешь, что ворожит в свободное время».

– Я вас слушаю, – прервала она мои размышления тем же ровным голосом.

– Говори, – обернулась я к Шурочке, поскольку она так и стояла у меня за спиной. Присутствовать я согласилась, но задавать какие-то нелепые вопросы не собиралась.

– Присядьте, – предложила нам хозяйка и указала на лавку рядом с большим, покрытым белой скатеркой столом.

Я пропустила Шурочку вперед, таким образом оказавшись на краю лавки, в тени. Свечка была маленькая, хотя и горела довольно ярким ровным пламенем. А Шурочка оказалась как раз напротив хозяйки; взволнованная и нерешительная, она оглядывалась на меня, вздыхала и качала головой.

Я демонстративно отвернулась, предоставив ее самой себе, тем самым вынудив ее взять инициативу на себя.

– Нам... я хотела бы узнать... отчего умер один мой знакомый...

Шурочка, такая решительная и смелая, сейчас напомнила мне крестьянскую девочку, которая стесняется и робеет при виде незнакомых людей, и готова расплакаться по любому поводу.

А дальше произошло что-то странное. И до сих пор я не могу понять, что это было. То ли оттого, что я пристально смотрела на свечу, то ли по другой причине, но у меня все поплыло перед глазами. И я стала воспринимать все окружающее как во сне. Или в раннем, младенческом детстве, что почти одно и то же, во всяком случае – для меня.

– Дай мне твою руку, – произнесла хозяйка, не отрывая взгляда от Шурочкиного лица и та послушно протянула ей ладонь.

– Зачем же ты живого хоронишь? – строго спросила хозяйка, а дальше я почти ничего не помню. Честное слово. Помню каждый шаг по дороге туда, помню, как возвращались. А вот середина... словно корова языком слизнула, если подобное выражение уместно в подобных обстоятельствах.

Какие-то обрывки фраз, отдельные моменты, но до сих пор затрудняюсь точно сказать, сколько времени мы провели в этой комнате. Пять минут... или час? Помню, что Шурочка в какой-то момент потеряла сознание. Возможно, когда услышала первую фразу, хотя, может быть, и ошибаюсь. Потом мы пили какой-то напиток, похожий на чай, только очень вкусный и ароматный, а женщина что-то говорила мне... Именно мне, и не по поводу Константина, а про меня и про мою жизнь. И я слушала ее, как замороженная, и мне казалось, что каждое ее слово проникает мне в самое сердце, открывая неведомые для меня собой глубины души... О чем-то подобном я читала потом, но самой ни с чем подобным сталкиваться больше не приходилось.

Это на самом деле была непростая женщина... И очень скоро я смогла убедиться в справедливости ее слов... Но не буду забегать вперед. Потому что в тот вечер я еще ничего не понимала, и всю дорогу до Шурочкиного дома, куда я взялась ее проводить, и некоторое время спустя была сама не своя...

* * *

Прийдя домой, я почувствовала, что у меня раскалывается голова, и еле добралась до кровати, чтобы заснуть на несколько часов. Разбудила меня Алена.

– Барыня, тут Петр Анатольевич пришли, прикажете пустить – уже ночь на дворе? – несколько раз повторила она совершенно заспанным голосом.

И, открыв глаза, я увидела, что она уже в ночной рубашке с накинутым на плечи платком, то есть скорее всего уже давно спала.

– Да-да, – ответила я ей, – пусть проходит, я сейчас выйду.

Голова моя уже не болела, но соображала я с трудом и окончательно пришла в себя, когда мы уже ехали по ночному городу.

– ...но вас не было дома, – услышала я слова Петра Анатольевича. И поняла, что он давно мне что-то говорит.

– Да, мы ходили с Шурочкой... – начала было я, но сама себя перебила неожиданным вопросом:

– Петр Анатольевич, а вы уверены, что Лобанов умер?

– Час от часу не легче. Катенька, чем вы занимались в мое отсутствие? Может быть, нам лучше вернуться? Что-то мне не нравится ваше состояние.

– Нет-нет, – постаралась я произнести как можно убедительнее. – Просто я еще не проснулась.

– Странные у вас вопросы...

Неожиданно мне стало смешно, и по какой-то странной прихоти я произнесла специально «странным» голосом:

– А карликов вы больше не видели?

И не столько этим вопросом, сколько видом своим и интонацией, – так перепугала Петра, что удивляюсь, как это он не выскочил в тот момент из кареты. Во всяком случае взгляд у него был весьма выразительный. Словно я на его глазах достала из-за пазухи ядовитую змею. Станный у меня в ту ночь прорезался юмор...

ГЛАВА ПЯТАЯ

И шутка моя плохо закончилась. Не успела я успокоить своего спутника и кое-как объяснить ему свое поведение, как наше внимание привлекли странные в ночное время звуки. Звон колоколов, крики...

Почувствовав недоброе, я крикнула Степану, чтобы подстегнул лошадей. Повторять приказов ему не требуется. Мы полетели, как ветер и через несколько минут были в нужном месте.

Но еще издали заметили огромное в полнеба зарево от страшного пожара – горел дом Лобанова. И потушить его было невозможно. Люди с топорами и ведрами возникали из темноты и снова в ней исчезали. Какая-то крестьянского вида женщина причитала и рыдала на всю улицу.

Мы вылезли из коляски и стояли посреди улицы, не зная, что предпринять. Вскоре огонь перенесся на деревья над нашими головами, по небу летели уже крупные головешки и, если бы не прошедший за несколько часов до того ливень, то могли бы сгореть все близлежащие дома, а то и весь район. Каменных домов в Саратове было еще немного. А высохшее за лето дерево вспыхивало, как порох, от первой же искры.

Мы отошли на безопасное расстояние, но и там временами приходилось закрывать лицо от жара, когда ветер сносил огонь в нашу сторону.

Прошло еще совсем немного времени и с грохотом рухнула крыша. Искры поднялись высоко в небо, отличаясь от звезд только цветом и невероятной для тех подвижностью.

– Спасибо тебе, Господи, покарал злыдней, – произнес из темноты чей-то сдавленный голос.

Я попыталась отыскать глазами его хозяина или хозяйку, потому что даже не поняла, мужчине он принадлежал или женщине. Одно могу сказать наверняка: говоривший ненавидел хозяина дома лютой ненавистью, и не мог скрыть радости по поводу случившегося.

Петр Анатольевич дернул меня за руку и указал рукой на группу из нескольких человек, стоявшую особняком.

– Что? – спросила я его, не поняв, на что именно он пытается обратить мое внимание.

– Карлики, – выдохнул он мне прямо в ухо. И в тот же момент я увидела их.

Нет, карликами, или лилипутами, как говорят в цирке, они не были. Просто встречаются иногда очень маленькие, до уродства коротенькие люди. Я не знаю, как называется это заболевание, но верхняя часть их туловища не отличается своими размерами от туловища обычного человека. А вот ноги... Ноги у них обычно коротенькие и кривые. В результате чего они и выглядят так странно. При том, что лицо может быть совершенно нормальным, без всяких признаков патологии.

Двое в той группе, на которую указал мне Петр, обладали всеми признаками подобного уродства. Они стояли без движения и смотрели в одну точку. Без каких-либо эмоций. И лишь однажды мне показалось, что на одном из этих лиц возникла улыбка... Когда коротышка оглянулся на стоявшую рядом с ним крупную седую женщину с каменным лицом.

А потом они куда-то исчезли. И карлики и все остальные. Вся эта группа.

Я на секунду отвлеклась, а когда вновь посмотрела в ту сторону, то уже никого не увидела. Впрочем, к тому времени пожар уже потерял свою силу, огонь уже почти не освещал окрестностей, а до рассвета было еще далеко. Поэтому скоро все вокруг погрузилось в темноту, и разглядеть что-то было уже трудно. И лишь потрескивающие на пепелище угли да тяжелый угарный запах свидетельствовали о недавно бушевавшем здесь страшном празднике огня.

До кареты мы с Петром Анатольевичем добирались на ощупь, спотыкаясь на колдобинах и поддерживая друг друга. За все это время мы не обменялись и парой слов. Говорить было не о чем, вернее, не хотелось...

По пути к моему дому, Петр Анатольевич попросил Степана остановить лошадей и, не попрощавшись, ушел в темноту.

И я не стала его удерживать.

* * *

Но самую страшную вещь я узнала лишь на следующий день. Дрожки, на которых должны были перевезти тело Константина в городской морг, почему-то не приехали. И оно осталось лежать на том самом месте, где и лежало – на обеденном столе.

Эту новость принесла мне моя знакомая, приехавшая в город из деревни, но уже успевшая узнать все городские новости. Слух об этом странном пожаре уже обсуждался по всему городу. В том числе и о том, что убитый за день до этого молодой человек по роковому стечению обстоятельств еще и сторел во время пожара.

Я слушала ее взволнованный рассказ, и мне не давала покоя одна мысль: «Что имела в виду вчерашняя ворожея, когда заявила Шурочке, что мы хороним живого?» И от этой мысли волосы шевелились у меня на голове.

Постаравшись выпроводить побыстрее свою гостью, я никуда не пошла, хотя у меня было желание обсудить с кем-нибудь вчерашние события. Я подумывала о Шурочке, а немного погодя – написала записку-приглашение Петру Анатольевичу, и уже позвала Афанасия, чтобы отправить его к нему, но в последний момент передумала и бросила бумажку в огонь.

Мне захотелось побыть одной, чтобы без суеты и лишних эмоций попытаться подвести некоторые итоги. Всем тем событиям, свидетельницей которых я стала за вчерашний день. И, как всегда в такие моменты, раскрыла свой дневник и вылила на его страницы все то, что накопилось на душе.

Не буду утомлять вас этой довольно пространный и не слишком вразумительной записью, хотя и собиралась привести ее полностью. Ограничусь лишь несколькими строками – своеобразным выводом, к которому я пришла в результате этих своих размышлений:

«Чем дальше в лес – тем больше дров. Не прошло и суток, как страшная новость пришла в мой дом, а такое чувство, что я прожила с ней неделю. И все мои мысли теперь неразрывно связаны с этими трагическими и полными загадок событиями. И я не успокоюсь, пока не докопаюсь до их истинного смысла...»

И с новой строки:

«Кому же и чем сумел так насолить этот белокурый голубоглазый мальчик, что его убийца не удовлетворился его смертью, а еще и предал его дом и самое тело его сожжению?»

Или он сжигал следы преступления, которых не заметили ни Всеволод Иванович, ни я?

Язык не поворачивается произнести, а рука не поднимается записать тот вопрос, который мучает меня со вчерашнего дня. Но все-таки заставлю себя его произнести и записать, как бы ни чудовищно это не выглядело, будучи зафиксировано на бумаге:

А ЧТО ЕСЛИ КОНСТАНТИН ВСЕ-ТАКИ БЫЛ ЖИВ В НАЧАЛЕ ПОЖАРА?

Если не ошибаюсь, то с улицы доносится голос Петра Анатольевича. Вернусь к этому вопросу после его ухода...»

Но в этот день я так и не нашла времени вновь открыть свой дневник, и следующая в нем запись датируется несколькими днями позже.

Петр Анатольевич молча прошел в гостиную, уселся в одно из кресел и просидел в нем несколько минут, не произнося ни звука. Потом взглянул на меня искоса и все-таки спросил:

– Что вы имели в виду вчера вечером?

Я поняла, о чем он спрашивает, и рассказала ему все. И про наш с Шурочкой визит к ворожее, и про собственные страшные подозрения.

Петр Анатольевич, потрясенный услышанным, вновь обездомвел. На этот раз почти на час. И мы сидели с ним по разным концам гостиной, каждый думая о своем. А скорее – об одном и том же. И старались не встречаться взглядами.

Перед отходом он спросил:

– И что же теперь?

– Пока не знаю, – ответила я, хотя кое-какие идеи уже бродили у меня в голове.

– Что-то мне не по себе от всех этих разговоров. А если честно – я боюсь.

– Я тоже, но надеюсь – это пройдет.

Он пожал мне руку и ушел. И я ему была благодарна. Мы, наверное, с ним очень похожи. Во всяком случае, иной раз понимаем друг друга почти без слов.

Нужно было срочно сменить обстановку. Иначе я окончательно бы расклеилась. И, перебрав все возможные варианты, я выбрала оптимальный – поехала на ипподром. Надеюсь не только отвлечься и привести в порядок свою нервную систему, но и узнать что-то новенькое. Как я уже говорила, ипподром стал для нашего города своеобразным Булонским лесом с некоторыми признаками Гайд-парка, а это именно то, что мне было нужно в это хмурое утро, тем более, что я давно собиралась там побывать, но так и не удосужилась это сделать до этого дня.

Впрочем, хмурым назвать это утро было трудно. Природа вступила в ту замечательную пору, которую в народе называют бабьим летом, когда солнышко в последний раз перед долгой зимой балует людей и зверей своими лучами, а украшенные разноцветной, от желтого до малинового, листвой деревья добавляют этой поре своеобразной красоты и очарования. «Пышное природы увяданье...» – точнее не скажешь.

Чтобы совершенно сменить настроение, я решила обновить новое красивое платье, сшитое по последней моде по совету Шурочкиного портного. И надо сказать, что это незатейливое, но надежное средство сработало, желтый цвет всегда был мне к лицу, а теперь, перекликаясь с преобладающим в природе цветом, был как никогда уместным.

Ипподром встретил меня с распростертыми объятиями в прямом и переносном смысле этих слов. Уже через полчаса я сидела на открытой веранде в небольшой уютной компании, угощалась шампанским и пирожными и вела непринужденные разговоры.

Здесь, как я и ожидала, был весь Саратов. Я пожалела, что не захватила с собой Шурочку, хотя в своем траурном платье в легкомысленно-разноцветной толпе она и производила бы здесь впечатление белой вороны.

В перерывах между заездами играл духовой оркестр, мужчины с горящими глазами обсуждали достоинства той или иной лошади, женщины в большинстве своем в специально сшитых по этому случаю платьях – все это вместе взятое создавало приподнятую праздничную атмосферу, непременную в подобных заведениях. Хотя ночной пожар был у всех на устах, но тут он потерял львиную долю своей трагичности и драматизма.

И тем не менее я слышала немало интересного. А когда увидела семейство Вербицких в полном составе, то не поверила своим глазам.

«Или Петр Анатольевич сильно ошибается, – подумала я, – или они приехали сюда специально, чтобы продемонстрировать свою непричастность к ночной трагедии».

И прежде, чем подойти к ним, я некоторое время внимательно изучала их лица, особенно действительно повзрослевшей и невероятно похорошевшей за последний год Ирины.

На первый взгляд, она развлекалась напропалую, и только внимательный наблюдатель мог заметить ее необычную бледность.

А когда я, наконец, решила подойти поближе, то разглядела и покрасневшие от слез веки и легкое подрагиванье пальцев юной красавицы. Ей явно было не до праздника, хотя она и прилагала массу усилий, чтобы убедить всех в обратном.

«Странно, – подумала я. – Что за демонстрация? И почему нужно было скрывать помолвку?»

Но в эту минуту Ирочка меня увидела и что-то шепнула на ухо своей матери. Та оглянулась и помахала мне рукой. На правах родственницы я просто обязана была подойти к ним и обменяться приветствиями.

Хотя родственниками мы были по очень далекой побочной линии, что называется седьмая вода на киселе. Впрочем, если как следует покопаться, то можно отыскать родство с любым мало-мальски приличным человеком. Все мы в определенном смысле братья и сестры...

Про Лобанова заговорила сама Вербицкая, я имею в виду Раису Павловну – старшую Вербицкую, мать Ирочки и Машеньки.

И мне это тоже показалось неслучайным. Я со своей стороны старалась избегать этой темы, отделяясь общими фразами о погоде и лошадях.

– Вы, конечно, слышали? – спросила меня Раиса Павловна, – такое несчастье, – и буквально впилась в меня глазами, пытаясь отыскать на моем лице признаки смущения. Ирочка, стоявшая рядом с ней, тоже не отрывала от меня взгляда.

Но я продемонстрировала чудеса самообладания, и ни один мускул не дрогнул на моем лице. Хотя одному Богу известно, каких усилий это от меня потребовало.

– Я почти его не знала, – ответила я, – говорят, он был нелюдим?

– Да, – с деланным равнодушием ответила Раиса Павловна, – говорят, он был с большими странностями. – И даже зевнула при этом, явно переиграв.

– Маман, посмотрите, какая красивая лошадь, – постаралась сменить тему разговора Ирина. И мы снова заговорили о пустяках, поели мороженого с ананасами и распрощались.

Но встреча эта оставила после себя странное чувство.

«Еще одна загадка, не слишком ли их много в этом деле?» – размышляла я, возвращаясь к прежней компании, где уже шампанское лилось рекой и моего отсутствия, похоже, никто не заметил.

Я еще немного полюбовалась действительно прекрасными лошадьми и ловкими неутомимыми жокеями и незаметно для всех покинула ипподром.

За воротами Степан дремал с кнутом в руках, но мгновенно прыгнул с козел, лишь только я подошла к карете, и помог мне забраться внутрь, что при красивом, но не очень удобном для передвижения платье было далеко не лишним.

Бокал шампанского или предавшееся мне общее возбуждение, но так или иначе – вернулась я домой в гораздо более приподнятом настроении, с аппетитом поела, просмотрела корреспонденцию и пару свежих газет, и даже вздремнула после обеда.

А вечером меня ждала новая неожиданность.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Если бы я выдумывала свои истории, то наверняка они были бы занимательнее и логичнее. Но так как я не считаю себя писательницей, то пишу все как есть, то есть так, как это происходило со мной на самом деле. И поэтому иной раз та жизнь, что я воспроизвожу на этих страницах, и саму меня поражает своей нелогичностью, абсурдностью...

Иной раз и мне не хватает в ней того, что литераторы называют связками или логическими обоснованиями, но видимо боги в отличие от писателей (хотя последние зачастую и мнят себя небожителями) не слишком задумываются о таких пустяках и поэтому обустривают нашу жизнь так, как им заблагорассудится, то есть иной раз нелепо и без всякой логики.

Вот такие неожиданные лирические отступления позволяет себе моя удивительная родственница, и одно время они казались мне не слишком уместными для детектива, и отдельные главы, особенно в первых романах, я существенно подсократил, тем самым, как мне казалось, представляя тетушкины творения в более выгодном свете... А потом отказался это делать. Во-первых, потому что считаю себя недостаточно компетентным в этой области, а во-вторых, – потому что неожиданно испугался, что таким образом беру на себя роль цензора. А наша литература и так уже достаточно пострадала от чересчур ретивых ревнителей этого рода.

Кроме того, кому-то именно эти ее «философские откровения», спорные, а порой и наивные, могут показаться довольно любопытными, во всяком случае – не лишенными интереса. А кому-то и вовсе самым интересным в ее наследии. Так чего же я буду навязывать людям свой вкус и свое мнение? Мне, например, не нравится большая часть выходящих сегодня романов. Что же теперь делать? А кому-то они очень даже по вкусу.

И вообще. Пусть каждый читает что ему нравится. Как не пугающе выглядела подобная перспектива в глазах наших правителей еще совсем недавно. Тем более, что сама Екатерина Алексеевна писательницей себя не считала. О чем вы и прочтете буквально через несколько строк. А я даю себе слово, что вновь обнаружу себя для читателя лишь в случае крайней необходимости.

Я написала, что не считаю себя писательницей и совершенно заслуженно, потому что писатель должен именно придумывать собственную реальность, иные миры, в которые с помощью фантазии переносит своих читателей, а не просто более или менее внятно пересказывать произошедшие с ним или с его знакомыми события. И именно такие произведения, иной раз никак не связанные с действительностью и становятся истинными шедеврами, будь то история Дон Кихота Ламанчского или Божественная комедия. А те авторы, что пытаются подражать нашей унылой действительностью, с моей точки зрения обречены на скорое забвение. Или в лучшем случае уже через несколько десятилетий взволнуют разве что досужего любителя древностей или профессионального историка.

Впрочем, иной раз реальная жизнь дарует нам такие ситуации, что не придумает и самый изобретательный автор. Именно это обстоятельство и заставило меня взяться за перо. Ну посудите сами, могла ли я ожидать... Впрочем, обо всем по порядку.

Итак, уже вечером меня ждала новая неожиданность.

Я только что отужинала, и собиралась кое-что записать в свой дневник, когда Алена сообщила мне о новом посетителе.

– Там снова вас спрашивают... – не очень уверенно произнесла она.

– Кто?

– Какой-то господин...

– Он представился?

– Нет... то есть представился, но как-то странно...

– Алена, я тебя не понимаю. Что это значит?

– Он сказал, что это не имеет значения.

– Вот как, в таком случае...

Я собиралась произнести что-то резкое, но сдержалась.

– Ну, хорошо, проси...

Алена вышла и через минуту вновь появилась еще более растерянная с конвертом в руках.

– Они ушли... – сказала она смущенно, – а это лежало на полу.

– Странно...

Она подала мне конверт. На нем не было написано ничего, и он не был запечатан. Внутри я обнаружила небольшой листок, исписанный мелким торопливым почерком.

– Милостивая государыня... – прочитала я машинально, но увидев, что Алена все еще здесь, спросила:

– Что-нибудь еще?

– Та шаль, что вы оставили давеча в прихожей...

– Что с ней?

– Она пропала...

– Как пропала? Украли?

– Не знаю, – скривилась Алена, в любой момент готовая расплакаться.

Я с подозрением посмотрела на конверт в своих руках.

– Ты хочешь сказать, что этот господин...

– Почему я знаю? – уже со слезой в голосе промямлила Алена. – Я смотрю его нет – так решила посмотреть, не пропало ли чего из прихожей. А шали нет...

– А до этого была?

– Я же говорю – не знаю. Лежит и лежит, я о ней и думать забыла.

Я попросила Алену описать ей таинственного посетителя. Судя по ее словам, это был вполне обеспеченный человек, совершенно не напоминающий мелкого воришку.

– Иди, – отпустила я зареванную Алену, – да проверь, хорошо ли заперты двери.

А сама вновь вернулась к странному посланию.

«Милостивая государыня, – говорилось в нем. – Сегодня ночью вас видели в странном месте. Не знаю, что привело вас туда, но если вам угодно будет и дальше интересоваться несчастными случаями, то вы рискуете накликать беду и на собственную голову.

Искренне желая вам добра, хочу уберечь вас от всяческих бед, для чего и пишу вам эти строки.

Не подумайте, что пугаю вас, скорее наоборот...»

В конце листа стояла какая-то закорючка, долженствующая означать подпись, но такая неразборчивая, что письмо вполне заслуживало название анонимного.

Кровь бросилась мне в голову.

– Какая наглость, – еле сдерживаясь, чтобы не броситься неизвестному вдогонку, произнесла я и отшвырнула письмо в сторону. – Настоящая угроза... Но это значит...

Это могло означать лишь одно – что смерть Константина была следствием преступления. И кто бы ни был его непосредственным исполнителем, он не желал, чтобы я этим делом интересовалась. То есть опасался моего в нем участия.

И это было удивительно. Да, я провела расследование причин гибели собственного мужа и попутно раскрыла еще пару преступлений, но об этом знало всего несколько человек в городе...

Совладав с первым гневом, я всерьез об этом задумалась.

– И шаль... – невесело усмехнулась я. – Похоже, господину она очень приглянулась.

– Барыня, – в этот самый момент, услышала я радостный вопль Алены, и она сама вбежала в комнату. – Нашлась.

У нее в руках была шаль.

– Где ты ее нашла?

– Под креслом? Видимо, когда убиралась, смахнула. А тут смотрю – нет... А она под креслом лежит. Я на всякий случай посмотрела, а вдруг думаю завалилась...

Я взяла шаль в руки и уже готова была вернуть ее счастливой прислуге, но в этот момент поняла... Нет, скорее почувствовала. Что шаль эта очень похожа на ту, что вручил мне вчера Дмитрий. Очень похожа... но НЕ ТА.

– Подменил, – слово выскочило у меня прежде, чем я убедилась в этом. И это было похоже на наваждение.

– Что вы сказали, барыня? – переспросила Алена, но я не стала ее посвящать в свои мысли, лишь поблагодарила за старание и отпустила прочь.

И поймала себя на мысли, что меня пытаются сбить с толку. Потому что во всем этом было какое-то несоответствие, нелогичность...

«Если, – размышляла я, – этот господин приходил, чтобы запугать меня, а именно об этом свидетельствует его письмо, то почему он просто не подбросил его? Он явно рисковал... Я вполне могла оказаться в это время на первом этаже и увидеть его... А если он приходил подменить шаль, то как он узнал, где она лежит? Ведь в прихожей она оказалась по чистой случайности, а могла быть где угодно, например, у меня в спальне... А почему, собственно говоря, я так уверена, что шаль подменили?»

Я снова взяла ее в руки и разложила на столе.

«Ну, во первых, она новее. Та была мятая и старая... А эта словно из магазина... И даже отглажена...»

– Алена, – закричала я так громко, что она, перепугавшись, пулей влетела в комнату уже через несколько мгновений.

– Что случилось?

– Это ты выстирала шаль?

– Да, – испуганно ответила она, – и заштопала.

– Зачем?

– Она была грязная и мокрая. Вот я и подумала...

Я не выдержала и рассмеялась. Вот так из-за Алениной старательности я едва не создала целую версию с похищением и подменой вещественных доказательств. Может быть, об этом не стоило и поминать, мало ли чего не случается в жизни, но этот эпизод довольно точно характеризует мое тогдашнее состояние, а это тоже немаловажно.

Тем более, что сам визит «Черного человека», как я его окрестила для себя, как бы комично он не завершился, был достаточно серьезным основанием для тревоги. Мало того, что он подтверждал самые серьезные подозрения относительно смерти Константина. Все мне говорило о том, что я рискую заполучить себе серьезных врагов. А поскольку отступить я не собиралась, то, можно было сказать, что я их уже заполучила. Другое дело, что пока я не знала их ни в лицо, ни по имени. Но это нисколько не уменьшало опасности, напротив, ее увеличивало.

Одно успокаивало: эти люди совершенно меня не знали, если решили, что угроза может заставить меня уйти в сторону или спрятаться. Если до сегодняшнего дня я еще сомневалась, то теперь у меня уже не было никаких сомнений: я не брошу этого дела, пока не расставлю в нем всех точек над «і», то есть не узнаю двух главных вещей – кто убил Константина Лобанова и по какой причине.

Теперь у меня были все основания считать его смерть результатом преступления, и я постаралась подвести предварительные итоги этих двух дней.

Вкратце они сводились к следующему:

Константин Лобанов, молодой человек двадцати шести лет, с некоторых пор проживает в Саратове. Вступив в права наследства, он становится довольно крупным землевладельцем, получив в собственность пару деревень с полутора сотнями душ и городской особняк. Обладая приятной внешностью и добрым нравом, он с некоторых пор ведет довольно замкнутый образ жизни, хотя с первого дня своего приезда в город принят в лучших домах и до самого последнего времени являлся предметом пристального внимания лучших невест Саратова и их родителей.

Слухи о его помолвке с Вербицкой хотя и похожи на правду, но пока не получили подтверждения.

Насколько мне было известно, за все это время он не проявил себя с дурной стороны, более того, не был замечен в простительных для его положения и возраста холостяцких грешках и пристрастиях, как то: игра в карты, вино и прочее. В сколько-нибудь известных в городе скандальных историях его фамилия не фигурировала.

Проанализировав все эти сведения, я даже удивилась: про его жизнь в последние годы мне практически ничего не было известно. Далекая от светской жизни, я тем не менее представляла себе жизнь большинства молодых людей моего круга, но об этом человеке не слышала ничего, кроме полудетских воспоминаний Шурочки, которые оживились на некоторое время после его переезда в Саратов, но свежие знакомства и новые увлечения скоро вытеснили этого милого молодого человека из ее сердца и головы. Так что в последний раз я слышала о нем уже не вспомню когда.

Ну, и наконец последняя страница его жизни. Она страшна. Его находят мертвым в собственном доме, на чем его враги не успокаиваются и сжигают не только его дом, но по роковому стечению обстоятельств и его тело.

Видимо, они настолько уверены в том, что сумели спрятать все концы в воду, что не очень опасаются полиции. И немудрено. Проведя в доме покойного почти сутки, та не пришла ни к какому определенному выводу. А теперь, когда сгорело все, что в той или иной мере могло свидетельствовать о преступлении, они, видимо, совсем обнаглели.

«Так, да не так, – поправила я себя словами из дурацкой сказки. – Если бы они были уверены в собственной безнаказанности, то с какой стати им предпринимать сегодняшние действия, то есть угрожать мне?»

Это действительно было удивительно. Подобное могло иметь в нескольких случаях. Я попыталась составить список возможных причин такого их поведения, и сама же их подвергла критике на полях по старой привычке фиксировать мысли на бумаге. И вот, что у меня получилось:

1. Я обладаю какими-то сведениями, которыми не располагала полиция (Но сама об этом пока не догадываюсь). – Довольно сомнительная версия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.